

Лекция Роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»

План лекции

1. Судьба В. Гроссмана и история его романа-эпопеи
2. Своеобразие композиции романа «Жизнь и судьба» и его образной системы
3. Основные сюжетные линии романа. Ключевые образы-персонажи и их роль в раскрытии авторского замысла
4. Авторские отступления и их роль в романе. Размышления писателя о сути тоталитаризма, его социально-философская концепция

1. Судьба В. Гроссмана и история его романа-эпопеи

Судьба писателя по праву может считаться исходным документом при изучении его творчества.

До конца 1980-х годов имя Гроссмана (1905–1964) упоминалось в критике крайне редко. Его смерть совпала с концом оттепели. Последним бы посмертно опубликован сборник «Добро вам!» (1967).

Между тем Гроссман-писатель был известен уже в 1930-е годы; достаточно популярной являлась его книга «Степан Кольчугин» (1937–1940).

С первых до последних дней войны писатель, который попал на фронт в августе 1941-го года, являлся специальным военным корреспондентом газеты «Красной звезды». Постигая сущность войны, он часами лежал в засадах вместе со снайперами, пробирался в гарнизоны, отрезанные от своих войск, ночевал в солдатских блиндажах. Очерки Гроссмана и его повесть «Народ бессмертен» (1942) считаются классикой военной публицистики.

Два события – смерть матери, погибшей в 1941-ом году в г. Бердичеве (Житомирская обл.) от рук оккупантов во время массового уничтожения еврейского населения, и Сталинградская битва – помогли Гроссману увидеть гораздо больше, чем он видел раньше. Он понял, что решающей силой любых исторических событий, особенно во время глобальных военных конфликтов, являются люди. Эти мысли нашли отражение в произведениях писателя, которые он создал после войны.

Гроссман прошел дорогами войны длинный путь: Сталинград – обращенная в прах Варшава – Берлин. Во время битвы за Сталинград Гроссман находился в городе в первого до последнего дня уличных боев. На мемориале Мамаева кургана выбиты слова из его очерка «Направление главного удара»: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника: юди и ши в атаку, смертны и они?»

Подполковник Гроссман был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, несколькими медалями.

Работу над произведением, в котором будет изображена Сталинградская битва, писатель начал в 1943-м году. Независимый выбор в пору успеха и официального признания, в пору, когда выбора, казалось бы, нет и можно лишь подняться над обстоятельствами, – этот духовный опыт определяет характер творчества писателя в послевоенные десятилетия.

В 1952-ом году в журнале «Новый мир» начинает печататься роман «За правое дело», в котором автор обрисовывает события военных лет. Произведение вызвало восторженные отклики читателей и резко отрицательную официальную критику, начало которой положило выступление М. Бубнова в газете «Правда» за 13 февраля 1953-го года.

В критических работах встречаются следующие фразы: «Образы советских людей в романе «За правое дело» обеднены, обесцвечены...»; «Автор стремится доказать, что бессмертные подвиги совершают обыкновенные люди»; «В. Гроссман вообще не показывает партию как организатора победы – ни в тылу, ни на фронте...».

Гроссмана обвиняли в безыдейности и антинародности, в отступлении от принципов социалистического реализма. Писатель А. Первенцев даже назвал роман «идеологической диверсией».

Роман «За правое дело» отстаивали редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский и его заместитель А. Тарасенков. Сам Гроссман говорил: «Я пишу только то, что видел, а выдумывать я мог бы, что угодно» (из восп. Б. Ямпольского).

В 1953-е году после смерти И. В. Сталина роман «За правое дело», ранее признанный «идеологически вредным», выходит 5-тью изданиями. На II съезде писателей СССР, который состоялся в 1954-ом году, критика произведения признается ошибочной.

В 1960-м году Гроссман закончил работу над 2-ой частью «Сталинградской эпопеи» – романом «Жизнь и судьба». Писатель передает роман в журнал «Знамя», который тогда возглавлял В. Кожевников. По редакционной докладной записке в 1961-ом году роман бы арестован, изъят у автора до последней страницы, включая черновики.

В том же феврале 1961-го года вместе с «Жизнью и судьбой» была конфискована повесть «Все течет», затрагивающая запретную тему Голодомора (голод на Украине в 1932 – 1933-ем годах).

Гроссман пытался бороться за свое произведение. В архиве писателя сохранилась авторская копия письма, адресованная Н. С. Хрущеву: «Почему же на мою книгу, которая, может быть, в какой-то мере отвечает на внутренние запросы советских людей, книгу, в которой нет лжи и клеветы, а есть правда, боль, любовь к людям, наложили запрет, почему она забрана у меня методами административного насилия, упрятана от меня и от людей как преступный убийца? (...) Если моя книга – ложь, пусть об этом будет сказано людям, которые хотят ее прочесть. Если книга моя – клевета, пусть будет сказано об этом. Пусть советские люди, советские читатели, для которых я пишу 30 лет, судят, что правда и что ложь в моей книге. (...) Я хотел и хочу этого суда. (...)

«Мало того, что книга моя была отвергнута в редакции «Знамя», мне было рекомендовано отвечать на вопросы читателей, что работу над рукописью я не закончил еще, что работа эта затянется на долгое время. Иными словами, мне было предложено говорить неправду.

Мало того, когда рукопись моя была изъята, мне предложили дать подписку, что за разглашение тайны изъятия рукописи я буду отвечать в уголовном порядке.

Методы, которыми все происшедшее с моей книгой хотят оставить в тайне, не есть методы борьбы с неправдой, с клеветой. Так борются против правды.

Что же это такое? Как понять все это в свете идей XX съезда партии?»

В обращении к Хрущеву появляется слово, которое является одним из ключевых в романе «Жизнь и судьба» – слово «свобода»: «Я прошу Вас вернуть свободу моей книге, я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили со мной редакторы, а не сотрудники Комитета Государственной безопасности... Я по-прежнему считаю, что написал правду, что писал ее, любя и жалея людей, веря в людей. Я прошу свободу моей книге».

Обращение к Хрущеву результатов не дало. Писатель был принят членом политбюро М. А. Сусловым. Огласив подготовленное референтами решение (сам он роман не прочел) Суслов сказал, что о возврате рукописи «не может быть и речи», произведение может быть напечатано в СССР не ранее, чем через 200 – 300 лет.

После ареста «антисоветских» рукописей Гроссман практически потеря возможность публиковаться. Борьба с режимом, по сути, стоила писателю жизни. (В этом отношении можно говорить о подобии судеб Гроссмана и Б. Пастернака, смерть которого, по словам литературоведов, была ускорена историей с романом «Доктор Живаго» и присуждением Нобелевской премии). Гроссман умер от рака, но и саму его болезнь можно воспринимать как силу, убивающую писателя, столь же неумолимо и безжалостно как государство, в котором он жил.

Умирая, Гроссман со слезами читал о гибели в сталинскую эпоху ученого Николая Вавилова, арестованного в 1940-ом году на основании сфабрикованных обвинений и

умершего в тюрьме, и говорил в предсмертном бреду: «Ночью меня водили на допрос... Скажите, я никого не предал?», «Мне надо встать, но у меня перебиты ноги».

Каждая фраза умирающего Гроссмана может восприниматься как выстраданный символ. А. Платонов, с которым Гроссман был в дружбе с фронтовых дней, как-то сказал ему: «Вася, ты же Христос» (свид. С. Липкина).

А. Бевзер, литературный критик, дежурившая у больничной койки умирающего писателя, говорила: «Это была не нервно издерганная душа, а даже на пороге смерти гармонически естественная и живая. Все бесчисленные катастрофы с чистыми его книгами не исказили его личность. Они принесли ему смерть, но жизнь на нравственных высотах ее не исказили. Не было в нем и тени темной сосредоточенности на себе самом».

В творчестве Гроссмана собственная судьба проигрывается писателем раньше, чем в жизни. Он описывает свою жизнь до того, как она прожита. Несовпадение во времени и пространстве – это уже частности. Пущен под нож макет «Черной книги» (сборника документов и свидетельств очевидцев о преступлениях против еврейского народа на оккупированных фашистами землях СССР и Польши, а также об участии евреев в борьбе против нацистов во время Второй мировой войны), изъят роман «Жизнь и судьба», не выпускается в печать повесть «Все течет». Гроссман разделил трагическую судьбу своих героев почти добровольно.

Почти 30 лет после создания романа «Жизнь и судьба» он не упоминался в советской печати (Попутно можно отметить, что не только содержание произведения, но и сама его судьба отчетливо демонстрирует суть тоталитарного государства).

Текст произведения, пришедший к читателям «по случайному следу» (А. Бочаров) дошел до читателей не полностью. Копия романа, сохраненная другом писателя поэтом С. Липкиным, в середине 1970-х годов с помощью академика А. Д. Сахарова и писателя В. Н. Войновича была вывезена за границу. Восстановленный из уцелевших и спасенных фрагментов роман был выпущен в 1980-м году в Швейцарии, куда он был тайно вывезен на микрофильме. Не сразу решились его опубликовать в постперестроечное время в России; он увидел свет в журнальном варианте в 1988-м году в журнале «Октябрь» (ред. А. Ананьев). Позже нашлась рукопись, которую, как выяснилось, Гроссман оставил у своих друзей – Веры Ивановны и Вячеслава Ивановича Лободы в Малоярославце.

Свое произведений Гроссман посвятил матери, которая погибла во время немецкой оккупации от рук фашистов. В архиве вдовы писателя сохранилось письмо, которое Гроссман написал своей матери через 19 лет после ее смерти: «Когда я умру, мы будешь жить в книге, которую я посвятил тебе и судьба которой схожа с твоей судьбой...» На титульном листе рукописи написано: «Моей матери Екатерине Савельевне Гроссман».

2. Своеобразие композиции романа «Жизнь и судьба» и его образной системы

Романы Гроссмана «За правое дело» и «Жизнь и судьба» посвящены прежде всего Сталинградской битве; их нередко называют «Сталинградская диалогия». Но автор не ограничивается только изображением того, что происходило под Сталинградом. Любой роман-эпопея отличается широтой охвата событий, масштабностью. Ее классическое определение: монументальное по форме эпическое произведение; становление характеров героев показывается в эпопее в ходе событий национально-исторического масштаба.

Роман «Жизнь и судьба» имеет своеобразную композицию. В тексте упоминаются Сталинград, Германия, немецкий концлагерь, газовые камеры; Гитлер, вышедший на прогулку; Казань, где живет семья эвакуированного из столицы физика Виктора Штрума; Саратов, где в госпитале умирает Толя, сын Людмилы Николаевны, жены Штрума; сталинский лагерь, в котором пребывает первый муж Людмилы Николаевны Абарчук, и т.п.

Очень многочисленны персонажи. В их числе оказывается даже Гитлер. (В качестве одного из замечаний к роману во время обсуждения текста (на одном из полузакрытых заседаний Союза писателей) М. Бубеннов к обвинениям, известным по его

статье, добавил: образ Гитлера дан, а образ Сталина практически отсутствует. Глава СССР упоминается только во время телефонных разговоров: с Еременко (командующим Сталинградским фронтом) и Штрумом). В тексте также обрисовываются представители двух воюющих сторон: физик Штрум, командир танкового корпуса Новиков, заключенный Абарчук, батальонный комиссар Крымов, немецкий лейтенант Петер Бах и его любовница, русская женщина Зина; фельдмаршал Паулус, его адъютант полковник Адамс и денщик Риттер, старый коминтерновец Мостовский, комиссар Пивоваров, командир полка Березкин, командир дивизии Родимцев и др.

На первый взгляд возникает ощущение своеобразной фрагментарности. Некоторые персонажи «возникают» только в одном или нескольких отдельных эпизодах и больше в тексте не упоминаются:

- бывшая работница библиотеки Муся Борисовна;
- дочь арестованного и погибшего в 1937-м году доктора Карасика Наташа, выбравшаяся из ямы после расстрела и танцующая на площади;
- сорокалетний бухгалтер Наум Розенберг, который работает в концлагере бреннером (сжигает трупы) и при этом вспоминает свою жену Злату, расстрелянную на 6-ом месяце беременности;
- Ребекка Бухман, которая во время облавы на евреев задушила собственную маленькую дочь;
- немецкий солдат Розе, обслуживающий газовую камеру;
- военнопленные Трофим Жученко и Антон Хмельков, помогающие немцам уничтожать в газовых камерах своих соотечественников;
- начальник крематория, командир зондеркоманды штурмбанфюрер Кальтлауф и др.

Характеризуя композицию романа Гроссмана, критик А. Бочаров справедливо отмечал: «Многоцветье характеров, изображенных в произведении, очень велико. Одни из них возникают неоднократно, прорисовывая сложные взаимоотношения жизни и судьбы. Другие просверкивают мгновенно, успевая осветить необходимое для всей атмосферы романа настроение или авторскую мысль» (ст. «Часть правды – это не правда»).

Иными словами, все нарисованные автором образы-персонажи создают целостную картину жизни, помогают автору донести до читателей определенные идеи. Как и в мозаике или в калейдоскопе без одного кусочка не будет целостной и завершенной картины. Внешне необъяснимое «нагромождение» героев – это не случайность, а выражение позиции автора, для которого важна не только обстановка гигантской битвы, максимального напряжения двух противоборствующих армий, но история отдельной человеческой души. Человек для писателя – не менее значимый объект внимания, чем стратегические замыслы двух политических лидеров и столкновения двух государств.

В 1946-ом году в статье «Памяти павших» Гроссман писал: «... Каждый человек вплетается нитью в ткань жизни. Выдернута, порвана нить... Ткань жизни становится бедней, и как бы тонка, как бы хрупка и непрочна ни была эта нить, оборвавшись, она обедняет эту ткань. Новые, вплетенные в ткань жизни нити уже никогда не заменят исчезнувшую – она единственная и неповторимая в своей пышности, в скромности своей, в прочности, тонкости, хрупкости». Эта мысль, по сути, воплощается и в романе «Жизнь и судьба» и предопределяет его композиционное построение.

В статье А. Бочарова справедливо отмечается:

– «...Из разнонаправленных судеб, представляющихся поверхностному взгляду хаотичным броуновым движением, складывается общая картина исторического климата эпохи, не всегда совпадающая с мнением историков»;

– «Судьбы почти всех героев обрываются, не находя сюжетного завершения, ибо движение диалогии определяется не столько желанием проследить, каковы будут конкретные «истории жизни», сколько их социальной характерностью, типологичностью.

Но при всем том высвечивает в романе «то удивительное различие, ради которого прекрасно общее в людях» (ст. «Часть правды – это не правда»).

3. Основные сюжетные линии романа. Ключевые образы-персонажи и их роль в раскрытии авторского замысла

Театровед и педагог Н. Корец на читательской конференции, посвященной произведению Гроссмана, прошедшей в московской библиотеке, справедливо отмечала: «... Каждое слово в романе несет необходимый смысл и звучание, каждая глава имеет свой ритм и тембр. В этом романе-эпопее есть линии реквиемные, есть лирические, саркастические, гневные, спокойно-повествовательные и напряженно-философские. Перечислять и анализировать все линии романа критикам и литературоведам предстоит многие годы».

Сюжетных линий в романе много, но почти каждое действие сюжетно завершено и воспринимается благодаря этому как отдельная новелла. Чередуясь, они создают пространственную даль романа и открывают глубины многообразных человеческих характеров.

При всем обилии сюжетных линий в произведении есть несколько «сквозных» образов, которые чаще всего попадают в поле зрения писателя. В связи с этим в произведении есть несколько «ключевых» сюжетных линий. В числе важнейших среди них кроме тех, которые уже были охарактеризованы, можно считать те, которые связаны:

– с ученым-физиком Виктором Павловичем Штрумом, его женой Людмией Николаевной и ее сестрой Евгенией (дочерями старого большевика Шапошникова);

– с Крымовым, одним из «сквозных героев» дилогии;

– с другом Крымова Мостовским, старым партийцем, который попадает в немецкий концентрационный лагерь;

– с людьми, воюющими под Сталинградом, прежде всего – с командиром танкового корпуса Новиковым и его окружением.

Физик (еврей по национальности) Штрум показан в начале романа человеком, который переживает сложное время: от ран в госпитале умирает его пасынок, убита фашистами старая мать, которая сумела передать сыну прощальное предсмертное письмо, в душе героя рождается любовь к Марье Ивановне, жене его сотрудника. Он мучительно пытается понять, что происходит в окружающем мире; в Казани, куда эвакуированы Штрум и его сотрудники, он ведет беседы с филологом-татарином Каримовым и историком Мадьяровым, который дает возможность Виктору Павловичу осмыслить события 1937-го года (ч. 1, 65–66).

Изображая эти разговоры, Гроссман дает понять, что в тоталитарном государстве прошлое «перекраивается заново»: «Ведь государственная мощь создала новое прошедшее, по-своему вновь двигала конницу, наново назначала героев уже свершившихся событий, увольняя подлинных героев. Государство обладало достаточной мощью, чтобы заново переиграть то, что уже было однажды и на веки веков совершено, преобразовать и перевоплотить гранит, бронзу, отзвучавшие речи, изменить расположение фигур на документальных фотографиях».

В этих же разговорах, когда речь заходит о русской литературе, устами своих персонажей Гроссман пытается донести до читателей свои сокровенные мысли о художественном творчестве и отражаемой им жизни, о государстве и человеке:

–«Я убежден [говорит Мадьяров], что между соцреализмом и декадентством бездны нет. Спорили, что такое соцреализм. Это зеркальце, которое на вопрос партии и правительства «Кто не свете всех милее, всех прекрасней и белее?» отвечает: «Ты, ты, партия, правительство, государство, всех румяней и милее. А декаденты на этот вопрос отвечают: «Я, я, я, декадент, всех милее и румяней». Не так уже велика разница. Соцреализм – это утверждение государственной исключительности, а декадентство – это утверждение индивидуальной исключительности. Методы разные, а суть одна...»;

– «Путь Чехова – это путь русской свободы. Мы-то пошли другим путем. (...) Он сказал, как никто до него, даже и Толстой не сказал: все мы прежде всего люди, понимаете ли вы, люди, люди, люди! Сказал в России, как никто до него не говорил. (...) Понимаете – люди хороши и плохи не оттого, что они архиереи или рабочие, татары или украинцы, – люди равны, потому что они люди (...) От Аввакума до Ленина наша человечность и свобода партийны, фанатичны, безжалостно приносят человека в жертву абстрактной человечности. (...) Чехов сказал: пусть Бог посторонится, пусть посторонятся так называемые великие прогрессивные идеи, начнем с человека, будем добры, внимательны к человеку, кто бы он ни был... начнем в того, что будем уважать, жалеть, любить человека, без этого ничего у нас не пойдет. Вот это и называется демократия, пока еще несостоявшаяся демократия русского народа».

Штрумом было сделано открытие, которое вначале не признается; его работа объявляется идеологически вредной. В институте проходят собрания, где Виктора Павловича называют проходимцем и жуликом. Люди, еще недавно говорившие о таланте Штрума, голосуют за его «отсечение от здорового коллектива». Штрум мучительно ждет ареста, он имеет возможность сделать попытку спасти себя – покаяться на собрании (заседании Ученого Совета), и не идет туда. Герой на время обретает внутреннюю свободу: «Он жаловался на незаконные аресты, на отсутствие свободы», «нарастающий ужас перед истребительной силой государственного гнева, все растущее чувство одиночества, беспомощности, цыплячьего жалкого бессилия, обреченности, – все это порождало в нем минутами какую-то отчаянность, разухабистое безразличие к опасности, презрение к осторожности» (ч. 3, 40).

Все меняет один звонок Сталина, позвонившего Штруму домой.

Автора интересуют не столько события, сколько их преломление в душе героя, та борьба, которую он вынужден постоянно вести с собой. («А в глубине его отчаяния существовало светлое пятнышко – ощущение чистоты души, которое сохраняли он и Марья Ивановна. Они страдали, но не мучили других»). Но вот Штрум снова оказывается на гребне славы и сам чувствует, как постепенно меняется его отношение к правящему режиму и к другим людям: «Ничто не изменилось в его отношении к людям, погибшим в 1937 году. Он по-прежнему ужасался жестокости Сталина.

Жизнь людей не меняется оттого, стал ли некто Штрум пасынком удачи или баловнем ее, люди, погибшие в пору коллективизации, расстрелянные в 1937 году, не воскреснут от того, дадут ли некоему Штруму ордена и лауреатскую медаль или не дадут...

Все это Виктор Павлович отлично помнил и понимал. И все же что-то новое появилось в этой памяти и понимании».

Герою предстоит выбор: надо подписать совершенно абсурдное, с его точки зрения, письмо, ответ иностранцам, якобы ведущим «клеветническую кампанию»: за границей в газете, близкой к правительственным кругам, был опубликован список расстрелянных ученых и писателей, указывается на фантастическое количество репрессированных, упоминается о несправедливых обвинениях врачей Плетнева и Левина, якобы убивших Горького. Поколебавшись и не найдя возможности избежать этого неприятного для него действия, Штрум подписывает письмо. И потом мучительно размышляет о том, что он совершил.

Изображая внутренний мир персонажей, Гроссман показывает, как сложна душа любого человека. Автор не судит героя, он показывает, в каких сложных отношениях с окружающими находится человек в тоталитарном государстве. В этом отношении очень показательными являются мысли Штрума, осознающего, что в его сознании происходят определенные изменения: «Откуда в нем появилось желание все оправдывать, утверждать? Почему он стал терпим к тому, к чему недавно был нетерпим? О чем бы ни говорили с ним, он оказывался оптимистом.

Военные победы совпали с переломом в его личной судьбе. Он видит мощь армии, величие государства, свет впереди. Почему такими плоскими кажутся ему сегодня мысли Мадьярова? (...)

Ради чего совершил он страшный грех? Все в мире ничтожно в сравнении с тем, что он потерял. Все ничтожно по сравнению с правдой, чистотой маленького человека – и царство, раскинувшееся от Тихого океана до Черного моря, и наука» (ч. 3, 56).

Штрум судит самого себя и принимает решение: «Каждый день, каждый час, из года в год нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти, не должен бояться, если хочет остаться человеком».

В этот момент Штрум вспоминает об убитой фашистами матери. «–Ну, что ж, посмотрим, сказал он, – может быть и хватит у меня силы. Мама, мама, твоей силы» (ч. 3, 56).

Литературоведы отмечают, что судьба Штрума в чем-то сходна с судьбой автора романа. Смерть матери, открытие (для Гроссмана таковым стал его роман «За правое дело»), травля, ожидание ареста, «победа». Изображая этого персонажа, Гроссман передоверяет ему некоторые свои мысли, стремится показать, как проявляется человеческая стойкость в период борьбы и слабость – в моменты «подъема».

Обрисовывая жизнь Штрума, автор показывает жизнь русских людей, которая прорекает в тылу. Еще одна сюжетная линия – фронтовая – связана с полковником Новиковым и служащими вместе с ним комиссаром танкового корпуса Гетмановым и начальником штаба Неудобновым. Новиков – один из тех людей, которые пытаются сохранить в себе человеческое начало. И проявляется это не только в его любви к Евгении Николаевне (сестре жены Штрума), но и в его отношении к людям, которыми он командует. Новиков на 8 минут задерживает наступление, ожидая, что артиллерии удастся подавить огнем зенитные и противотанковые батареи противника («Есть право большее, чем право посылать, не задумываясь, на смерть, право задумываться, посылая на смерть. Новиков исполнил эту ответственность»).

Еще один яркий момент связан со страницами, где повествуется о времени, когда танки пошли в прорыв, Сталинградское направление перестало быть главным. Еще рывок – и корпус первым пересечет границы Украины. Это – слава для командования, новые звания и награды. Одно волнует Новикова: его танкисты лишаются авиационной поддержки. Гетманова и Неудобнова это не смущает, они готовы рисковать сотнями жизней ради отнюдь не правого дела. Новиков вкладывает в обычное армейское словосочетание «живая сила» смысл, отличный от того, который видят в этих словах Гетманов и Неудобнов. Для него «живая сила» – это худые глазастые ребята, вызывающие жалость, для них – пушечное мясо.

Дементий Трифонович Гетманов – фигура, очень заметная в романе. Автор рисует человека, который полностью соответствует своему времени. Начав карьеру личным охранником секретаря крайкома, он вскоре сам становится секретарем обкома. Он – тот руководитель, который нуждается в Сталине не меньше, чем Сталин в нем. Гроссман дает читателям понять, что человек, служивший в органах госбезопасности, часть системы, без которой она не может существовать.

Удачная женитьба, умелое налаживание служебных связей, в самое главное – умение угадывать волю Хозяина, читая между строк, – вот то, что позволяет Гетманову быть важным «винтиком» государственной машины. Он не обладает никакими особыми талантами, даже доклады, написанные другими людьми, читает с листа, но для того, чтобы руководить другими людьми этого и не требуется.

Автор дает очень выразительную характеристику персонажа – партийного функционера: «Весь его жизненный труд, где не было ни великих книг, ни знаменитых открытий, ни выигранных сражений, был трудом огромным, упорным,

целестремленным, бессонным. Главный и высший смысл этого труда состоял в том, что возникал он по требованию партии и во имя интересов партии. Главная и высшая награда за этот труд состояла ишь в одном – в доверии партии. (...)

Незаметен труд людей, обладающих доверием партии. Но огромен этот труд, – нужно и ум, и душу тратить щедро, без остатка. Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей, обладавших даром исследования, пения, писания книг, хотя Гетманов не только не умел петь, играть на рояле, создавать театральные постановки, но и не умел со вкусом и глубиной понимать произведения науки, поэзии, музыки, живописи...» (ч.1, 21).

Автор подчеркивает, что Гетманов безоговорочно отождествляет Сталина с партией, а свою холопскую верность – с верностью генеральной партийной линии. Гроссман показывает внутренний мир персонажа, отмечая при этом то, что представляется писателю одной из главных особенностей партийного деятеля советской эпохи. Гетманов очень хорошо умеет разговаривать с людьми, он умеет входить в их житейские интересы, способен сочувствовать тем, кто получает небольшую зарплату или не обеспечен жильем. Но в своем кабинете он озабочен ответственностью перед государством, выполнением планов; здесь отдельные люди для него не существуют.

При этом автор подчеркивает, что Гетманов никого намеренно не обманывает, так проявляется его суть: «Самым удивительным было то, что Гетманов, казалось, оставался искренен, был самим собой, и когда требовал плана с секретарей райкомов и срезал последние граммы с колхозных трудодней, и когда снижал зарплату рабочим, и когда требовал снижения себестоимости, и когда повышал розничные цены, и когда растроганный говорил с женщинами в сельсовете, вздыхал об их нелегкой жизни, сокрушался по поводу тесноты в рабочих общежитиях» (ч. 2, 34).

На должности комиссара танкового корпуса Гетманов, никогда не воевавший, «успешно проводит линию партии». Он злорадно рассказывает о калмыках, среди которых оказалось много сторонников фашистов, и, торжествуя, вспоминает, как «сигнализировал насчет Басангова», которого Новиков хотел повесить в должности. Гетманов дает понять, что он как бы предчувствовал политическую неблагонадежность калмыков, относил ее к числу национальных особенностей; то, что майор Басангов хорошо воевал, во внимание не принималось. (Как и любой факт, если он не соответствовал линии партии).

Гроссман стремится нарисовать живого человека, а не схему. Но это не мешает ему представлять Гетманова как фигуру, олицетворяющую людей, пришедших к власти в 1930-е годы. Такие люди приняли двуличие как форму своего существования, срослись с ним.

На посту комиссара корпуса Гетманов сохраняет свой облик, представление об особом положении, которое позволяет ему то, что нельзя другим. Это проявляется во всем, даже в личных отношениях: «Гетманов часто рассказывал о своей жене, о детях, носил при себе толстую пачку семейных фотографий, дважды посылал в Уфу порученца с посылками. И тут же затеял любовь с чернявой злой докторшей из санчасти, Тамарой Павловной, и любовь нешуточную». Это не мешает Гетманову «учить» командира бригады Белова, грозить ему партбилетом за сходную ситуацию (и у того, и у другого есть жены и дети).

«Двойственность» Гетманова проявляется в его взаимоотношениях с Новиковым: комиссар растроганный, со слезами на глазах благодарит командира корпуса за задержку наступления на 8 минут, а вечером пишет «наверх» донос. Гетманов доносит и на другого человека – Крымова, в немалой степени содействуя его аресту.

Новиков снят с командования корпусом и отозван в Москву, его дальнейшая судьба в произведении не прослеживается (Правда, автор сообщает, что Гетманов пишет

еще одно письмо, где характеризует Новикова положительно, но второе письмо не отменяет первого).

4. Авторские отступления и их роль в романе. Размышления писателя о сути тоталитаризма, его социально-философская концепция

В. Г. Белинский почти 200 лет назад отмечал: «Отступления, рассуждения, дидактика, нетерпимые в других родах поэзии, в романе и повести могут иметь законное место». Входя в состав художественных произведений такие фрагменты могут существовать даже в виде отдельных разделов, явственно выделяющихся из всей структуры художественного произведения (как, например, в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир»).

Свою концепцию Толстой излагал не только, обрисовывая систему образов, но и с помощью авторских отступлений. Писатель XIX века отмечал: «Неволью я почувствовал необходимость доказывать то, что я говорил, и высказывать те взгляды, на основании которых я писал...».

Создавая свою эпопею, Гроссман явно ориентировался на опыт Толстого. Гроссман, наверное, мог бы сказать о своем произведении словами автора «Войны и мира»: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения».

Наряду с этим Толстой говорил, что главной в его романе-эпопее является «мысль народная». Такую же «народную мысль» утверждает своим романом Гроссман. Это мысль о том, что важнейшую ценность государства составляют люди, и каждый человек – неповторимый мир. С таких позиций писатель выступает против тоталитарного государства, которое уничтожает личность.

Критик А. Бочаров справедливо отмечал, что значимость романа Гроссмана состояла прежде всего в том, что он «развенчивал структуру тоталитарных режимов»: «И, может быть, главная заслуга автора «Жизни и судьбы» заключается не только в том, что он с такой точностью и художественной выразительностью обозначил боевые точки, сколько в том, что он сделал первую значительную попытку увидеть л и н и и, которые вели к этим точкам. Уже тогда Гроссман открыто заговорил, что нужно видеть за «сталинским отпечатком» те реальные предпосылки, благодаря которым мог воцариться тоталитарный режим» («Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба» – М, 1990).

Иными словами, писатель не просто говорит о тоталитарном государстве как таковом, Гроссман показывает процесс его становления. Такое государство создается не вождями, стоящими у кормила власти. Они сами – продукт этого общественного устройства.

В этом отношении показателен эпизод, в котором автор романа рисует Сталина во время сталинградского наступления: «Его величие, его гений не существовали в нем самом, независимо от величия государства и вооруженных сил. Написанные им книги, его ученые труды, его философия значили, становились предметом изучения и восхищения для миллионов людей лишь тогда, когда государство побеждало» (ч. 3, 11). Создается такое государство людьми, в сознании которых утвердилось представление о том, что цель оправдывает средства.

Автор несколько раз повторяет эту мысль, варьируя ее. В частности, он говорит о социализме в России: «Революционная цель освобождала во имя морали от морали, она оправдывала именем будущего сегодняшних фарисеев, доносчиков, лицемеров, она объясняла, почему человеку во имя счастья народа надо токать в яму невинных» (ч.2, 39).

Наряду с этим автор подчеркивает, что аналогичными целями – стремлением к светлому будущему – был порожден и фашизм: «...Не отказываясь от человеческих чувств, душа-предательница объявляет преступления, совершенные фашизмом, высшей формой гуманности, соглашается делить людей на чистых, достойных и на нечистых, недостойных (...)

На помощь инстинкту приходит гипнотическая сила мировых идей. Они призывают к любым жертвам, к любым средствам ради достижения величайшей цели – грядущего величия родины, счастья человечества, нации, касса, мирового прогресса.

И с инстинктом жизни наряду с гипнотической силой великих идей работала третья сила – ужас перед беспредельным насилием могущественного государства, перед убийством, ставшим основой государственной повседневности» (ч.1, 50).

Порожденное этими силами тоталитарное государство может возникнуть в любой точке земного шара (не случайно Гроссман постоянно подчеркивает сходство двух держав, построенных по одной «модели», – сталинской России и фашистской Германии). Такое государство имеет самой главной своей особенностью то, что оно «не видит» живого человека, точнее, видит, но не индивидуальность, а некие присущие личности общие признаки – анкетные данные. Заполняющий анкету Штрум чувствует, какое значение начинает приобретать 5-ый пункт (национальность), обнаруживает родство между 5-ым пунктом и 6-ым, содержащим вопрос о социальном происхождении. В произведении рисуются ситуации, когда отбор, «построенный» на основе этого пункта, затрагивает отдельных людей (майора Басангова, физика Ландесмана) и даже целые народы.

Акции истребления людей совершаются «во имя блага государства». Страницы, на которых описывается, как идут в немецкие газовые камеры евреи, – самые страшные фрагменты романа.

Воспроизводя одну из жесточайших трагедий XX века, Гроссман как будто всматривается в своих героев: старых и молодых, красивых и уродливых. Все они объединены лишь одним: сейчас они войдут в газовую камеру и перестанут существовать...

«Еврейский вопрос», вошедший в эпопею Гроссмана в качестве одной из ведущих тем, помогает понять и решить общий, глобальный, ключевой для писателя вопрос – о соотношении насильственной тоталитарной структуры и отдельного человека.

Автор справедливо отмечает: «Антисемитизм есть выражение несознательности народных масс, неспособных разобраться в причинах своих бедствий и страданий. В евреях, а не в государственном и общественном устройстве, видят невежественные люди причины своих бедствий».

Но уничтожение конкретной нации силами тоталитарного государства – проблема, не специфически еврейская. В аналогичном положении могут оказаться и другие народы в другой стране. Это – неизбежное порождение тоталитаризма, который применил по отношению к людям законы, открытые физикой XX века («Фашизм отказался от понятия отдельной индивидуальности, от понятия «человек» и оперирует огромными совокупностями. Современная физика говорит о больших или меньших вероятностях явлений. А разве фашизм в своей ужасной механике не основывается на законе квантовой политики, политической вероятности?»). Идея уничтожения целых народов родилась из мысли о вероятности скрытого или явного противодействия этих народов больше, чем других. Национальную проблему все тоталитарные государства решают одинаково. И чем сильнее государство, тем страшнее его давление на людей.

Рисуя картины Сталинградской битвы, Гроссман показывает героизм людей, благодаря которым она была выиграна. И здесь же дает своеобразную оценку сражения, показывая, как определяется в ходе его «водораздел» между интересами человека и государства: «Сталинградское торжество определило исход войны. Но молчаливый спор

между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода» (ч. 3, 16).

Улавливая эту непростую закономерность, Гроссман пытался донести мысли о ней до своих читателей. Победу государства он рассматривал не только как освобождение народов, но и как их новое порабощение. Он подчеркивал, что во время Сталинградской битвы решалась не только судьба «основанного Лениным государства», которое получало возможность «осуществить себя» в строительстве заводов, в создании атомных станций, в постройке дворцов науки и высотных зданий. В эти же минуты «решалась судьба немецко-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гитлеровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленников.

Решалась судьба калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев, волей Сталина вывезенных в Сибирь и Казахстан, потерявших право помнить свою историю, учить своих детей на родном языке (...) Решалась судьба спасенных Советской Армией евреев, над которыми в десятую годовщину народной сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения.

Решалась судьба русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки» (ч. 3, 11).

Изображая тоталитарное государство, калечащее людей, Гроссман задается вопросом о том, можно ли ему противостоять. Этот вопрос решают различные персонажи романа: Крымов и Мостовский, Штрум и военнопленные Хмельков и Жученко, работающие в немецких газовых камерах, штурмбанфюрер Кальтлауф, командир зондеркоманды, и фельдмаршал Паулюс, который понимает, что его государству они теперь нужны не живыми, а мертвыми героями.

Персонажи решают проблему по-разному, не важно «своим» или «чужим» они подчинены. И потому служат немцам Хмельков и Жученко, подчиняют свои чувства и мысли долгу партии Мостовский и Крымов, и отказывается строить лагерь «толстовец» Иконников-Морж, предпочитая этому недостойному делу смерть.

Автору близка позиция тех, кто пытается противостоять силе тоталитаризма. В одном из авторских отступлений встречаются строки, в которых Гроссман четко выражает свою позицию:

«Грешный человек измерил мощь тоталитарного государства, – она беспредельно велика; пропагандой, голодом, одиночеством, лагерем, угрозой смерти, неизвестностью и бесславием сковывает эта страшная сила волю человека. Но в каждом шаге человека, совершаемом под угрозой нищеты, голода, лагеря и смерти всегда наряду с обусловленным проявляется и свободная воля человека. (...) Судьба ведет человека, но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть».

«Не безгрешный и милостивый небесный судья, не мудрый верховный государственный суд, руководствующийся благом государства и общества, не святой, не праведник, а жалкий, раздавленный фашизмом грязный и грешный человек, сам испытавший ужасную власть тоталитарного государства, сам падавший, склонявшийся, робевший, поднявшийся, произнесет приговор. Он скажет:

– Есть в страшном мире виноватые! Виновен!» (ч.2, 44).

Согласно справедливому замечанию критика В. Кардина, «роман об одной из величайших битв в истории, о нераздельности бытия и смерти, о судьбах государства и личности вряд ли вероятен без философской идеи, пронизывающей его, сообщающей ему внутреннее единство». Такой идеей является для Гроссмана мысль о том, что все люди неповторимы. Эта мысль настолько важна для автора, что он вводит ее уже в 1-ую главу романа. Именно поэтому Гроссман судит тоталитарное государство, лишаящее человека возможности быть самим собой.

Но право быть собой человек получает только тогда, когда он свободен. Слово «свобода» очень часто встречается на страницах романа. Капитан Греков признается

Крымову, что хочет свободы и за нее воюет. О свободе говорит заключенному в сталинском лагере Абарчуку его учитель Магар («Мы не понимали свободы, мы раздавили ее. И Маркс не оценил ее: она основа, смысл, базис под базисом»). О свободе думает Иконников, отказывающийся работать над фашистов и строить концлагерь («Не говорите, – виноваты те, кто заставляет тебя, ты раб, ты не виновен, ибо ты не свободен. Я свободен! ...Я отвечаю перед людьми, которых будут душить газом. Я могу сказать «нет»!)).

Для Гроссмана стремление к свободе – извечное человеческое стремление. По его мнению, это стремление способно уничтожить тоталитаризм: «Претерпевает и природа человека изменение, становится и она другой в коте тоталитарного насилия? Теряет ли человек стремление быть свободным? В ответе этом – судьба человека и судьба тоталитарного государства». В одном из авторских отступлений в проникновенных строках автор дает ответ на волновавший его вопрос: «Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся или замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом свет нашего времени, свет будущего».

Роман «Жизнь и судьба» оценивается многими критиками как «Война и мир» XX века не только из-за прямого влияние на Гроссмана творчества Толстого, но и из-за глубины заложенных в произведение социально-философских идей.

Гроссман, живший при тоталитарном режиме, сумел выявить и запечатлеть его сущность и одновременно понять: что можно противопоставить безжалостной государственной машине. Писатель стремился в художественной форме доказать, что высшей ценностью всего сущего является человек, что проявления человечности, существующие в тоталитарном государстве вопреки его давлению, можно по праву считать самым значимым из того, что есть в окружающем мире. Как справедливо отмечал историк литературы Б. Ланин, основным вкладом Гроссмана в русскую литературу являлась «реабилитация концепции свободы». Именно эта концепция, положенная в основу романа-эпопеи, сделала его одним из самых значимых произведений второй половины XX столетия.